

К 140-летию Ростовского музея

Ярославский губернатор В. Д. Левшин — автор устава Ростовского музея церковных древностей

8 февраля 1885 г. Святейший Синод утвердил устав Ростовского музея церковных древностей. Спустя почти пятнадцать месяцев музей, разместившийся в отреставрированной и освященной 28 октября 1883 г. Белой палате Ростовского кремля, наконец обрел свой официальный статус и закрепленное за ним название. В этом качестве музей просуществовал более 30 лет, вплоть до начала советской эпохи. Своим рождением и становлением он во многом был обязан ярославскому губернатору Владимиру Дмитриевичу Левшину (1834–1887) — опытному высшему администратору и человеку неравнодушному к вопросам сохранения отечественного историко-культурного наследия (ил. 1). Как удалось установить, именно губернатор В. Д. Левшин был автором устава Ростовского музея церковных древностей.

В фонде А. А. Титова, одного из отцов-основателей музея, в Государственном архиве Ярославской области сохранился черновой проект устава. Неаннотированная рукопись принадлежит узнаваемому почерку В. Д. Левшина (ил. 2). Причем, характер документа, составленного в форме письма, несомненно, адресованного главным организаторам музея — А. А. Титову и И. А. Шлякову, однозначно указывает на авторство текста того, кем он и был написан.

На сложенном вдвое листе почтовой бумаги (той самой, на которой адресовал свои письма Левшин ростовцам Титову и Шлякову, — сохранилось более 200 корреспонденций из их общей переписки, посвященной многим вопросам реставрации памятников Ростовского кремля и создания музея) содержится проект устава из шести пунктов, с характерными дополнениями — в виде вписанной между строк фразы, вставки над строкой слова. В конце текста находится обращение к адресатам (или к одному из них): «Прошу показать Василию Егоровичу и, в случае одобрения им проекта, прошу переписать на лучшей бумаге, подписать А. А. Титову, И. А. Шлякову, от [цу] Мансвентову, Н. Ф. Орлову и доставить мне немедленно для подписи также и представления на согласие архиепископу Ионафану, а затем на утверждение министру народного просвещения» (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 2172. Л. 16 об.).

Губернатор В. Д. Левшин, председатель Комиссии по восстановлению зданий Ростовского кремля, направил ее членом проект устава на согласование. Особо оговаривалась просьба «показать Василию Егоровичу». Товарищ председателя Императорского Московского археологического общества (ИМАО) В. Е. Румянцев (1822–1897), известный ученый-археолог и исследователь русских древностей, являлся, по сути, правой рукой графа Алексея Сергеевича Уварова (1825–1884), основателя и председателя ИМАО. При живейшей поддержке графа возникла у ростовцев и воплотилась идея возрождения древних памятников Ростовского кремля, была образована «Ростовская археологическая комиссия», действовавшая от имени авторитетной научной организации — Московского археологического общества. Роль В. Е. Румянцева в осуществлении практических шагов по восстановлению памятников и организации музея в Ростовском кремле была существенной.

1 марта 1885 г. текст устава Ростовского музея церковных древностей был напечатан в «Ярославских губернских ведомостях». Автор заметки, сопровождавшей публикацию документа, пояснял: «Для упрочения существования этого полезнейшего учреждения недоставало только устава. Теперь и это дело сделано. Остается только пожелать музею дальнейшего процветания на пользу отечественной истории». Проявляя явную осведомленность в истории вопроса создания устава, публикатор делал комплиментарный акцент на его содержательной стороне: «Что касается самого устава музея, то, прежде всего, бросается в глаза его необыкновенная краткость: в нем всего шесть (курсив в газете. — Я. С.) параграфов. Но, при всей его сжатости, в составителях устава видна опытная рука».

Судя по обнародованной версии документа, его рукописный проект подвергся хотя и точечной, но существенной правке, как бы корректирующей профиль музея. Из 2-го пункта, закрепляющего положение о соответствии музея «целям Братства св. Димитрия Ростовского, изложенных в уставе Братства», было изъято указание на то, что музей на равных собирает и хранит, помимо вещей церковного характера, также и предметы гражданского искусства. Между тем, согласно 6-му пункту, «гражданские древности», как и церковные, могли становиться объектами рассмотрения в рамках «публичных заседаний и научных чтений». Скорректированный вариант данного пункта устава позволял комитету музея организовывать подобные заседания «с разрешения преосвященного и губернатора». По ранней версии В. Д. Левшина — только губернатора.

Утвержденный устав закреплял важные положения организационного характера, продиктованные самой жизнью: «музей состоит под наблюдением Императорского Московского археологического общества» (пункт 3), а «непосредственное управление музеем поручается комитету, под председательством ярославского губернатора, из членов Императорского Московского археологического общества, проживающих в Ростове и Ярославле» (пункт 4). Вместе с тем, ретуши подвергся 1-й пункт: «Ростовский музей церковных древностей, помещающийся в Белой палате и Княжьих теремах кремля, состоит под покровительством преосвященного Ярославского». В первоначальной редакции значилось — «главным покровительством».

Все изменения в тексте устава по сравнению с его проектом выявляют редакторскую работу: в меньшей степени со стороны гражданской партии (очевидно, выразившейся в снижении «главного покровительства» над музеем со стороны архиепископа), в большей мере — партии церковной. Содержание утвержденных поправок свидетельствует о компромиссном характере устава, проявленном, прежде всего, в закреплении нового названия музея. Особый комитет во главе с ярославским губернатором отныне управлял Ростовским музеем церковных древностей.

Определение «церковные древности», безусловно, не вполне отвечало содержанию и характеру Музея древностей в Белой палате, как его обычно называли ранее, начиная с момента освящения памятника в октябре 1883 г. (как варианты, в печати той поры фиксируются названия: Музей Белой палаты, Ростовский музей возобновленной Белой палаты, Ростовский музей местных древностей, Ростовский музей древностей, Ростовский музей и т. п.). «Церковный» профиль музеев в рассматриваемую эпоху скорее был осведомленностью древлехранилищ при духовных ведомствах и «вообще епархиях с целью сохранения церковных древностей, выходящих из употребления» (графиня П. С. Уварова). Известны были, к примеру, Музей церковных древностей при Петербургской духовной академии, такой же при Киевской духовной академии.

Ил. 1. Портрет Владимира Дмитриевича Левшина. Фотография В. А. Лопатина, первая половина 1880-х. ГМЗРК

Резонно предположить, что и название «Ростовский музей церковных древностей» своим рождением было обязано церковной среде или являлось определенной ей данью. Примечательно, что в своей известной работе «Областные музеи» графиня П. С. Уварова (1891), отнеся музей в Белой палате к профилю древлехранилищ (т. е. музеев, по ее классификации, сугубо церковной направленности), оставила за ним привычное имя — «Ростовский музей». И, заявив о «непосредственном руководстве» музеем со стороны ИМАО, дала следующую ему характеристику: «Музей растет весьма быстро благодаря неуныпным трудам И. А. Шлякова и А. А. Титова, доступен публике и снабжен каталогами, составленными А. А. Титовым и Ф. А. Бычковым».

Понимая некоторую неопределенность положения с присвоенным «новым» названием, уже публикатор устава музея в «Ярославских губернских ведомостях» (а все, что здесь публиковалось, инициировалось или санкционировалось губернатором) счел необходимым разъяснить, что музей вырастает из двух источников — «гражданских» и «церковных».

«Немедленно после этого (освящения) реставрированной Белой палаты. — Я. С.) деятельные члены комиссии по восстановлению древностей Ростовского кремля, горячо отдавшие делу восстановления разрушенных зданий и устройству музея, — приложили самые усердные старания к наполнению Белой палаты предметами. С одной стороны, на кликнутой комиссией клич отозвались со всех сторон добротные жертвователи, принося в новое учреждение массу интересных антиквариетов; в этом отношении немало содействовало музею и Братство св. Димитрия, предложившее духовенству Ярославской епархии прислать в Белую палату вышедшие из употребления церковные утварь, одежду и проч. С другой стороны, сами члены энергично разыскивали владельцы разных древностей и скупали их для музея. Таким образом, к настоящему времени в Ростовском музее помещается более тысячи разных вещей — памятников многих предшествующих эпох».

Как видим, философия музея изначально базировалась на более широких, универсальных началах. В 1886 г., когда число музейных «предметов древности» достигла трех тысяч «номеров», свет увидел первый «Путеводитель по Ростовскому музею церковных древностей». Его автор Федор Афанасьевич Быч-

ков (1861–1909), историк, член-сотрудник музея и чиновник по особым поручениям при ярославском губернаторе (В. Д. Левшине), не менее осведомленно расцвечивал в своем описании картину бытия нового губернского учреждения. Музей, хотя и имел с самого начала «определенный характер», но отнюдь не замыкался в «церковной» парадигме, как с позиций тематики фондов, так и со стороны источников их пополнения.

Помощник губернатора Ф. А. Бычков писал: «Утешительно отметить здесь тот факт, что и до настоящего времени не уменьшается число жертвователей, которые, принося в музей в дар находящиеся у них предметы древности, имеющие историческое или научное значение, сознают вполне разумно, что в музее эти предметы будут и в большей сохранности и безопасности, чем в частных руках, и доступнее для обозрения и ознакомления с ними публики. В виду того, что в числе пожертвованных, кроме предметов чисто церковного характера, встречались и встречаются предметы достойные внимания, но относящиеся не до церковной археологии, а до истории и этнографии вообще и, в частности, местного края, а потому не могущие быть помещенными в Музее Белой палаты, имеющий определенный характер, то все подобные предметы размещены в возобновленных теремах, находящихся в кремле, близ палат».

Фактически содержанию и направленности Ростовского музея соответствовал проект Александра Ивановича Кельсиева (1846–1885) — замечательного ученого-просветителя, археолога, хранителя Политехнического музея в Москве. Большой друг А. А. Титова, он способствовал вхождению ростовца в круг столичных ученых, его знакомству с графом А. С. Уваровым и другими выдающимися историками и археологами, приобщению к деятельности Московского археологического общества. В этом кружке ярких личностей, сторонников всемерной охраны памятников отечественных древностей, на фоне рождения Российского исторического музея на Красной площади и вызревали идеи возрождения Ростовского кремля и создания здесь музея. Опыт А. И. Кельсиева в становлении сразу двух главных московских музеев — Политехнического и Исторического — открывал ростовским археологам перспективы широкого культурного видения и научного взаимодействия при создании музея в Белой палате Ростовского кремля.

Перу А. И. Кельсиева принадлежит «Записка об основаниях деятельности и проект устава историко-этнографического музея в г. Ростове Ярославской губернии», увидевшая свет на средства его ростовского друга в январе 1884 г. — спустя всего три месяца после освящения Белой палаты. Сразу после торжества он вдохновенно писал А. А. Титову, раскрывая замысел: «Увожу с собою в Москву от 28 окт[ября] самое приятное впечатление. Не желая дать ослабнуть ему, я пребываю душою в Белой палате, и теперь готовлю небольшую записку о началах, на которых, по моему, должен быть основан музей Ваш...».

Кстати сказать, по начальной версии проекта музей должен был оказаться «церковно-историческим». Сразу вслед за освящением Белой палаты он успел мелькнуть в периодике и в официальных обращениях в другие инстанции с таким названием. Затем А. И. Кельсиев принципиально уточнил: «Церковно-исторический» значит обязательно подчиненный епархиальной власти, ее контролю, вмешательству, исключая этнографию, кустарные промыслы, художественную школу и прочее» (из письма А. А. Титову от 8 декабря 1883 г.). Московский ученый руководствовался идеей широты задач будущего учреждения.

Продолжение — на 2-й стр.

К 140-летию Ростовского музея

Ярославский губернатор В. Д. Левшин — автор устава Ростовского музея церковных древностей

Продолжение. Начало — на 1-й стр.

Уже 11 декабря 1883 г. А. И. Кельсиев, предварительно показав записку и устав своим ростовским приятелям, направил материалы ярославскому губернатору В. Д. Левшину: «Впечатление от Ростовского торжества 28 октября было столь неожиданно прекрасно, что, вероятно, многие по возвращении к будничным занятиям, продолжали витать душою в Белой палате и сочли бы удовольствием потрудиться еще для достойного ее убранства. Примите милостиво прилагаемую Записку, одно из следствий сего впечатления, вызванную главнейше незабвенным примером Вашей авторитетной поддержки научному подвигу частных лиц и Вашим лестным доверием к составителю». И в завершении своего обращения к губернатору А. И. Кельсиев выражал надежду на скорое воплощение в Ростове выдвинутых им просветительских идей: «Я глубоко убежден, что под Вашим покровительством и при сотрудничестве известных деятелей И. А. Вахромеева, А. А. Титова, И. А. Шлякова и других дело музея осуществимо в недалеком будущем со всеми изложенными в записке подробностями».

Как известно, проект А. И. Кельсиева «историко-этнографического музея» так и не стал официальным руководством к действию, оставив в историографии музея заметный след в качестве одного из первых его изданий и как интереснейший опыт отечественной музейной мысли и дела дореволюционной поры. Какова же на самом деле была судьба этого проекта? И почему только год спустя Ростовский музей смог обрести свой устав? Его автором выступил губернатор В. Д. Левшин, как и А. И. Кельсиев, горячо и всемерно сочувствовавший возрождению Ростовского кремля и становлению его музея. С одной только существенной разницей: в руках губернатора имелся почти ничем не ограниченный административный ресурс. Попробуем ответить на поставленные вопросы.

11 декабря 1883 г., в день отправки А. И. Кельсиевым проекта устава губернатору, архиепископ Ярославский и Ростовский утвердил устав созданного церковно-православного Братства святителя Димитрия Ростовского. Просветительная деятельность Братства, согласно § 1 его устава, имела целью «содействовать обращению раскольников в недра святой церкви, предохранению православных от совращения в раскол и искоренению таким образом раскола в Ярославской епархии». По предложению владыки устав общества был дополнен пунктами, напрямую касающимися учрежденного недавно в Белой палате музея. Именно здесь, в §§ 2 и 3 устава, впервые в официальных материалах возникает название — «Ростовский музей церковных древностей». Просветительное общество обращалось к инициативе содействовать музею «расположением приходских священников и других профессиональных лиц к доставлению в Ростовский музей церковных древностей рукописей, книг, крестов, икон, сосудов и проч., показывающих старину святой православной греко-российской церкви».

По всей видимости, эта инициатива архиепископа Иоанафана оказалась полной неожиданностью для создателей музея. На это может указывать заметка в «Московском листке» от 25 января 1884 г. об учрежденных в Ярославской губернии музее и православном братстве, автором которой выступил А. А. Титов. «Музей древних предметов» (так!), как сообщал корреспондент, открыл свои двери, «многочисленные жертвователи снабдили и снабжают древлехранящие разными древними вещами и рукописями». А далее, вероятно, проговорился: «Независимо (выделено мной. — Я. С.) от этих жертв высокопреосвященнейший Иоанафан, архиепископ Ярославский и Ростовский, учредил особое общество православного братства святителя Димитрия, Ростовского чудотворца. Цель этого братства, согласно уставу, [...] заключается, между прочим, и в помощи Ростовскому музею церковных древностей...».

Именно этим фактором, — включением музея в орбиту интересов церкви, стремившейся придать новому учреждению, вместе с поддержкой в собирании предметов церковной древности, свое концептуальное видение, — и было обусловлено замедление

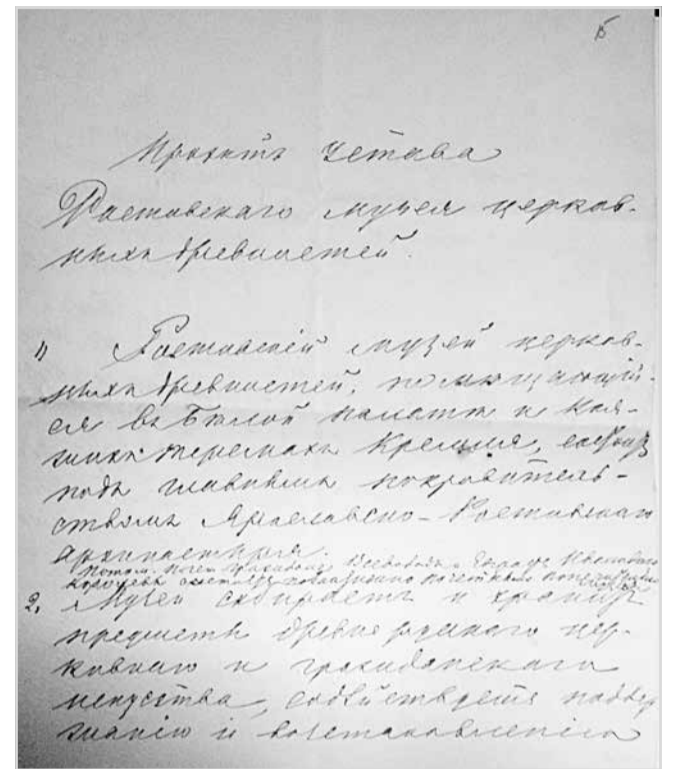
в рассмотрении проекта А. И. Кельсиева. Губернатор молчал, очевидно, обдумывая ситуацию. Кельсиев в сердцах негодовал: «Прочел устав братства. Эти вымыслы обыкновенно не имеют никакой будущности и с переменою личного состава и распространением просвещения полопаются как мыльные пузыри. [...] Я не получал от губернатора пока ни строчки в ответ на свои письма. Я не поеду в Ярославль без его собственноручного приглашения. Было бы зачем ехать» (из письма А. А. Титову от 13 января 1884 г.).

Между тем вопрос о рассмотрении и утверждении проекта А. И. Кельсиева, по всей видимости, не был окончательно отставлен. В переписке В. Д. Левшина с А. А. Титовым есть такое сообщение от 19 марта 1884 г.: «Проект устава музея посылаю завтра на согласование к преосвященному, затем сообщим Археологическому обществу или прямо министру внутренних дел».

В течение всего 1884 г. будущий помощник губернатора В. Д. Левшина и сотрудник Ростовского музея Ф. А. Бычков, проживавший в то время в Петербурге, не раз интересовался у А. А. Титова, «скоро ли будет учреждено при музее Общество по мысли Кельсиева?» Очевидно, так трансформировалась в его восприятии информация о кельсиевской «Записке», содержащей проект музейного устава. А начавшая 1884 г. Ф. А. Бычков интересовался в министерских коридорах о судьбе такового: «На днях отправляюсь в Министерство внутренних дел узнать об уставе общества при Белой палате и о результате посещения, и о положении дела сообщу Вам» (из письма А. А. Титову от 20 сентября 1884 г.). 9 ноября Бычков писал Титову, что «в газетах было известие, что устав Общества при Белой палате передан в Министерство просвещения, но по справкам, мною наведенным, такового еще не поступало». Впрочем, довольно интересный вопрос о хождении ростовского устава по столичным инстанциям еще требует своего детального прояснения.

Мудрый В. Д. Левшин на протяжении 1884 г. в видах Ростовского музея церковных древностей зря времени не терял (предположим, в ожидании из столицы известий о судьбе устава А. И. Кельсиева). Обычно отмечается роль архиепископа Иоанафана в организации пополнения музея предметами церковной старины — с указанием на соответствующие статьи устава Братства святителя Димитрия и специальное распоряжение благочинным епархии от 24 июня 1884 г. Однако порою упускается из виду деятельность губернатора В. Д. Левшина в том же направлении. Как свидетельствовал Ф. А. Бычков в музейном «Путеводителе» 1886 г., «для скорейшего обогащения вновь открытого музея, по мысли председателя комитета (выделено мной. — Я. С.) сего последнего, ярославского губернатора В. Д. Левшина, было сделано высокопреосвященным Иоанафаном циркулярное распоряжение о доставлении в музей из всех церквей Ярославской епархии старинных, пришедших в ветхость, икон, не находящихся уже в употреблении богослужебных предметов, рукописей, старопечатных книг и проч.».

Не принимается во внимание и другой немаловажный факт. Именно губернатор В. Д. Левшин, как «первый помощник председателя» Братства святителя Димитрия Ростовского, возглавляемого архиепископом Иоанафаном, на протяжении всего 1884 г. исполнял обязанности владыки по руководству обществом. Пока преосвященный находился «для присутствия в Св. Синоде», губернатор провел 10 из 12 заседаний общества. Нередким вопросом на них было «расположение приходских священников и других просвещенных лиц к пожертвованиям в Ростовский музей «Белой палаты» церковных древностей; прием этих вещей пожертвованных и пересылка их в Ростов» (ЯГВ. 1885. Ч. н. № 13). С подобным же циркулярным письмом к благочинным губернатор, в качестве помощника председателя Братства, обратился 1 мая 1885 г.: «Покорнейше прошу вас об оказании вашего просвещенного внимания к сему возникающему местному учреждению Ярославской губернии, общеобразовательное значение которого может распространиться и далеко за пределы нашей губернии» (ЯГВ. 1885. Ч. н. № 35).

Ил. 2. Проект устава Ростовского музея церковных древностей, подготовленный В. Д. Левшиным. 1884 г.

Опираясь на приобретенный опыт и заметный успех в продвижении интересов музея через Братство святителя Димитрия Ростовского, губернатор В. Д. Левшин выступил инициатором и автором устава Ростовского музея церковных древностей. Предстоящее 28 октября 1884 г. новое торжество в Белой палате по случаю освящения «церкви древнего Григорьевского монастыря-затвора и открытия восстановленных Княжских теремов» в Ростовском кремле активизировали эту работу. Вероятно, не ошибемся, указав, что в письме А. А. Титова и И. А. Шлякова на имя губернатора от 2 октября 1884 г. имеется в виду именно этот документ: «Устав, согласно желанию Вашего превосходительства, рассмотренный В. Е. Румянцевым, будет без изменений прислан завтра».

12 января 1885 г. В. Д. Левшин сообщал из Петербурга И. А. Шлякову в Ростов: «Вчера Св. Синод утвердил устав Ростовского музея (речь идет о вынесенном определении, состоявшемся 9 января, утвержден устав — 8 февраля. — Я. С.). Теперь мы можем действовать свободнее. Весьма кстати, что именно Синод утвердил устав, это важно по отношению зданий духовного ведомства, и так как духовенство местное близко стоит к этому делу, то утверждение устава Синодом всего полезнее для нас и будущих деятелей».

История Ростовского музея таит в себе еще много нераскрытых страниц. Только погружаясь в свидетельства прошлого — письменные, вещественные, архитектурные — можно почувствовать и увидеть живое дыхание истории, понять думы и чаяния людей, стоявших у истоков возрождения Ростовского кремля и рождения музея. Их бесценный опыт души и мысли становится ближе и понятнее, когда мы заново прочитываем документальные источники. Открывая имена в историческом пространстве музея, безусловно, одним из первых его выдающихся деятелей следует помнить и почитать ярославского губернатора Владимира Дмитриевича Левшина.

Ярослав Смирнов

Новые экспозиции

«Арсенал Ростовского кремля»

3 ноября 2023 г., в канун 140-летия Ростовского музея, в Конюшенном дворе начала работу новая экспозиция — «Арсенал Ростовского кремля». За последние почти тридцать лет это первый проект, в котором масштабная коллекция оружия, собранная за многие десятилетия «Ростовским кремлем», представлена практически в своем полном объеме.

Автором идеи экспозиции выступил А. Е. Филяев, бывший директор музея, создателем дизайн-проекта — доцент Московского государственного института культуры, дизайнер-архитектор А. Е. Зинчук, куратором — заведующий Музеем ростовского купечества А. В. Киселев.

Коллекция холодного и огнестрельного оружия в музее насчитывает несколько сотен предметов XV–XX веков. География производства достаточно широкая: большая часть, конечно, была произведена в России, но есть оружие из Германии, Франции, Бельгии, Англии, США, а также экспонаты из далеких и экзотических стран — Непала, Китая, Японии.

В 1883 г., уже в год создания музея, стали поступать и первые предметы в коллекцию оружия. К ним относится пушка XVII в., которая была подарена Д. А. Булатовым, предводителем ростовского дворянства. А самые древние вещи из оружейной коллекции — каменные пушечные ядра XV в., переданные в 1894 г. Императорским Российским историческим музеем (ныне — Государственный исторический музей).

Оружие поступало от частных лиц и различных организаций:

из полицейского управления (в дальнейшем милиции), из военных гарнизонов, в результате поисковых экспедиций. Есть немало примеров, когда вещи передавались в музей обычными людьми после находок на огородах (например, алебарда XVIII в.), во время ремонта домов (наградное георгиевское оружие морского офицера 1916 г.). Интересен случай, когда в 1930 г. рабочие из Рудметаллторга в массе сданного в утиль лома обнаружили старинный бахтерец со щитом и также передали находку в музей. Показательно, что 80% всех вещей оружейной коллекции поступили в качестве дара или через безвозмездную передачу.

Ил. 1. На экспозиции «Арсенал Ростовского кремля» в Конюшенном дворе.

Огнестрельное оружие из коллекции музея представлено пушками, ружьями, винтовками, пистолетами, револьверами, пулеметами — всего 91 единица. Заметная часть из них — редкие или очень редкие экземпляры, ряд предметов можно назвать уникальными, аналогов им практически нет. Холодное оружие составляют бердыши, алебарды, сабли, шашки, шпаги, кинжалы, кортики, тесаки — порядка 134 единицы. В коллекции также имеются вещи из разряда боеприпасов разных времен (ядра, стрелы, гильзы, патроны, пули, гранаты, осколки и фрагменты) — около 128 единиц.

Практически весь этот арсенал представлен в новой экспозиции. Экспозиционное пространство делится на четыре большие части, музейные экспонаты демонстрируются в хронологии: XV–XVII, XVIII, XIX, XX века. В отдельный комплекс выделена тема уникального фортификационного сооружения — Ростовской земляной крепости, построенной в 1632–1634-х гг. голландским инженером Яном Корнелиусом ван Роденбургом.

Экспонатный ряд дополнен мультимедийным сопровождением, усиливающим погружение посетителя в тематику проекта. Авторы надеются, что экспозиция станет также площадкой для проведения специализированных форумов, местом для встреч с экспертами по оружию и истории военного дела.

Приглашаем всех желающих посетить «Арсенал Ростовского кремля»!

Александр Киселев

Утраченные памятники Поречья-Рыбного: гостиный двор

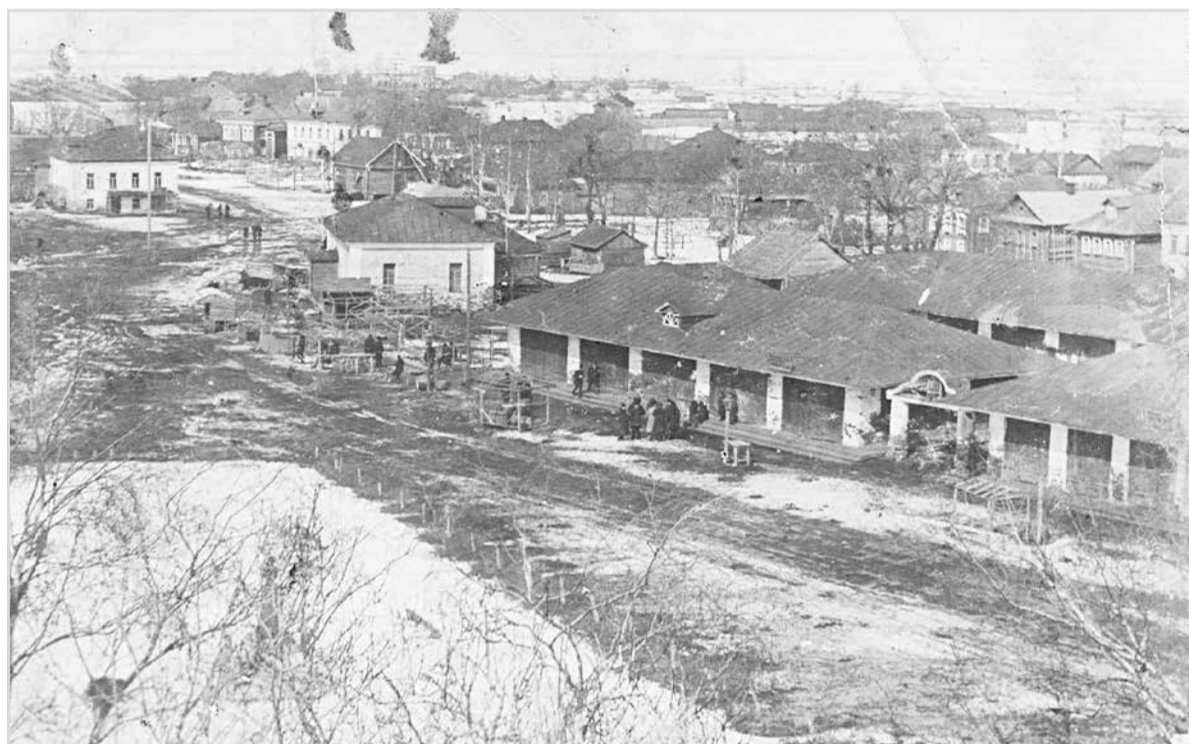

Ил. 1. И. Ф. Барщевский. Ансамбль церквей села Поречье. Фотография, 1880-е гг. Слева – здание гостиного двора

Гостиный двор в Поречье-Рыбном (ил. 1, 2, 3) располагался в восточной части базарной, центральной площади села, к югу от здания Приказной палаты или вотчинного, волостного правления, и представлял собой прямоугольный, одноэтажный комплекс из четырех г-образных строений, с большим внутренним двором, со въездами по северной и западной сторонам. Эти строения, покрытые вальмовой железной крышей, не были полностью каменными. Бревенчатые стены опирались на прямоугольные столбы из большемерного красного кирпича. Западная, обращенная к площади, и северная стороны, с входами в лавки и магазины, в середине XX в. получили остекление.

Репорты бурмистров села Поречье графу В.Г. Орлову 1778–1783 гг. свидетельствуют об активном участии крестьян в масштабных оптовых товарно-денежных операциях, и о том, какое значение для поселян имела местная базарная торговля. Уже в работе А.А. Титова упомянут фрагмент рапорта о намерении властей уничтожить в Поречье «недельный торжок» и ходатайство перед графом о сохранении базара. В документах XIX в. отложились сведения о том, что гостиный двор имел до 26 общественных лавок, сдававшихся в аренду.

Крупные ростовские торговые села базарные дни издавна распределяли между собой по дням недели: в воскресенье базары проходили в Петровске, Поречье и Угодичах; в понедельник – в Борисоглебских слободах; во вторник – в Давыдове; в среду – в Поречье; в четверг – в Караше; в пятницу – в Гарях и Вожажникове. В зимнее время торг был многолюднее, чем летом, прибывала значительная часть отходников из городов. Товары в основном продавались для крестьянства, которое сбывало здесь значительное количество огородной продукции. В середине XIX в. базары в торговых селах были весьма многолюдными. Так, в Угодичах из окрестных селений собиралось до 500 человек, в Поречье – от 500 до 2000 человек.

Ил. 2. Н.А. Бычков. Вид на базарную площадь Поречья со второго яруса колокольни. Фотография, 1914 г. Справа – фрагмент гостиного двора

Закономерно, что почти во всех таких селах на базарных площадях в центре селений стояли лавки, балаганы и общественные гостиные дворы. Документы свидетельствуют, что крестьянские общины сдавали общественные лавки в аренду иногородним купцам, посадским и крестьянам, занимавшимся торговлей.

В Поречье из товаров продавались чай и сахар, шерстяные, шелковые и бумажные изделия, хлеб и сено, мясо, рыба, масло и пр. Сумма продаж составляла от 150 до 1500 рублей серебром. В ряде приозерных торгово-промышленных сел уезда в середине XIX в. были сооружены или заново отстроены большие гостиные дворы. В 1857 г. газета «Ярославские губернские ведомости» сообщила, что в с. Поречье-Рыбном графа В.Н. Панина отстроен новый каменный гостиный двор с 60 лавками, который «по обширности, удобствам помещения и архитек-

туре сделал бы честь любому уездному городу. Поречский рынок был доселе из первых в Ростовском уезде, тем более, отныне останется за ним это первенство». В части лавок торговля велась постоянно, другие открывались во время базаров. Все вышеупомянутые продукты, не исключая хвороста для подтычки на грядах горошка, крестьяне Поречья покупали на рынке. Здесь же производился сбыт продуктов огородничества.

В 1870 г. поречское волостное правление рапортовало в уездную земскую управу, что в волости базары бывают в одном только Поречье, с какого времени они учреждены и с чьего разрешения, «по справкам» в волостном архиве данных не оказалось. Со слов старожилов было ясно, что базары в селе «существуют с древних незапамятных времен». Причиной существования базара волостное правление определяло многолюдьем села, так и значительной населенностью его окружающих селений. Торговля в лавках производилась местными жителями ежедневно, «... из-за постоянной потребности продовольственных запасов со стороны, как жителей села, так и рабочих, которых пребывало в Поречье постоянно до 500 человек».

В советский период здание гостиного двора занимали различные торговые кооперативные организации. После Великой Отечественной войны в главной линии гостиного двора, обращенной к базарной площади, с юга на север, располагались последовательно: книжный магазин, затем – хозяйственный магазин и промтоварный. В северо-восточной части – пожарная часть. Восточная и южная части являлись складскими помещениями. Фотографии учителя Н.И. Петрова (ил. 3) свидетельствуют, что к середине XX в. южная часть гостиного двора была сломана. На ее месте располагались различные ларьки. А в 1961 г. был разбит сквер и установлен памятник погибшим воинам.

Гостиный двор в Поречье был окончательно сломан в середине 1970-х гг. С одной стороны, здание было достаточно ветхим, а с другой – в поселке был построен целый ряд новых зданий под продовольственный, промтоварный, хозяйственный и книжный магазины. На месте гостиного двора была разбита асфальтированная площадка с клумбами и лавочками. Ныне – это территория благоустроенной детской площадки.

Александр Морозов

Ил. 3. Н.И. Петров. Митинг в центре Поречья. Фотография, 1941 г. На заднем плане слева – гостиный двор

Оппели: штрихи к истории семьи последнего городского головы

Ил. 1. А. Х. Оппель (сидит в центре) с семьей и сотрудниками своей типографии. Фотография. Начало XX в.

В конце мая уходящего года в одной из антикварных лавок Ростова мне повезло совершенно случайно наткнуться на маленькое сокровище.

Почти в каждой такой лавке и на любой барахолке всегда стоит жестяная коробка, набитая старинными открытками на любой вкус. Кого-то интересуют открытки с видами городов, кто-то – с животными или репродукциями известных картин. Стоят они, за некоторыми исключениями, как правило, недорого – от 100 до 200 рублей, и любой может позволить себе кусочек подлинной старины по цене чашки кофе.

И вот из такой коробки мне удалось обнаружить 6 открыток 1910–1914 гг., адресованных некой Марии Антоновне Фроловой, проживавшей по адресу: Ростов, Окружная ул., собственный дом.

Содержание оборотной стороны таких открыток, как правило, довольно однообразно: абсолютное большинство содержат поздравления с Рождеством, Пасхой или Днем ангела. Наш случай не является исключением, однако две открытки оказались совершенно замечательными: они адресованы той же персоне, но на одной адресом указана «типография Оппель», а на другой – «склад Оппель», а под текстом стоит подпись: «Н. Оппель».

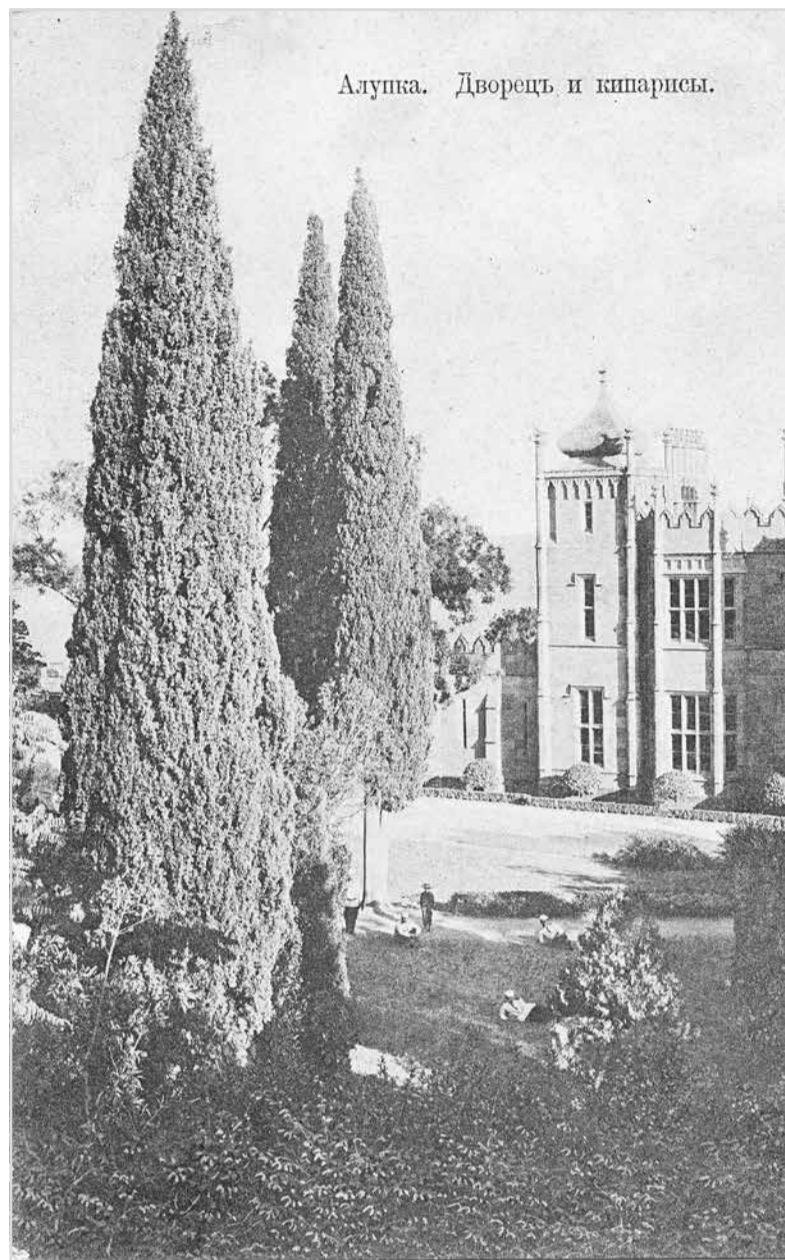
Вне всякого сомнения, их автором является Наталья Николаевна Оппель, жена последнего Ростовского городского головы и, по совместительству, владельца крупнейшей в городе типографии – Ардалиона Христофоровича Оппеля! (ил. 1)

Его книгопечатная деятельность была предметом моего изучения последние полгода, и, несмотря

на обилие архивных материалов, никаких документов личного характера об этой семье найти не удалось. И вот теперь они у меня в руках, все это время находившиеся так близко и доставшиеся так просто! Открыток явно изначально было больше, но они были раскуплены.

Обе открытки с видами Крыма написаны в конце апреля и начале мая 1912 г. и отправлены из Алупки, где Н. Н. Оппель в это время отдыхала. И о чем же она пишет? О том, что скучает по Ростову! Подробное изучение личности получательницы и адресатов других открыток, а также включение их в состав Музейного фонда РФ еще впереди, а пока приведу тексты этих двух находок, интересных по содержанию.

1. Ялта. Вид с моря. – Ялта: Издание Димитрия Николича. – С 5443 II. Почтовые штемпеля:

Ил. 3. Алупка. Дворец и кипарисы. Почтовая открытка с корреспонденцией Н. Н. Оппель от 3 мая 1912 г.

«Алупка Тавр[ической] г[убернии]. 30-4-12» и «Ростов Яросл. [3?]-5-12». Марка 3 коп.

«Ростов Ярославской. [Е] В[ысоко]б[лагородию] Марии Антоновне Фроловой. Типография Оппель.

29 апреля. Милая Маня! Письма Ваши получила, очень я рада, что своей карточкой доставила Вам удовольствие. Я чувствую себя хорошо, значительно поправилась, так что Крым, видимо, принес мне большую пользу. Но все же начинаю немного скучать. Ведь пословица есть: как в гостях не хорошо, но дома лучше. Мой привет Кате [и] Е. Я. Желаю всего хорошего.

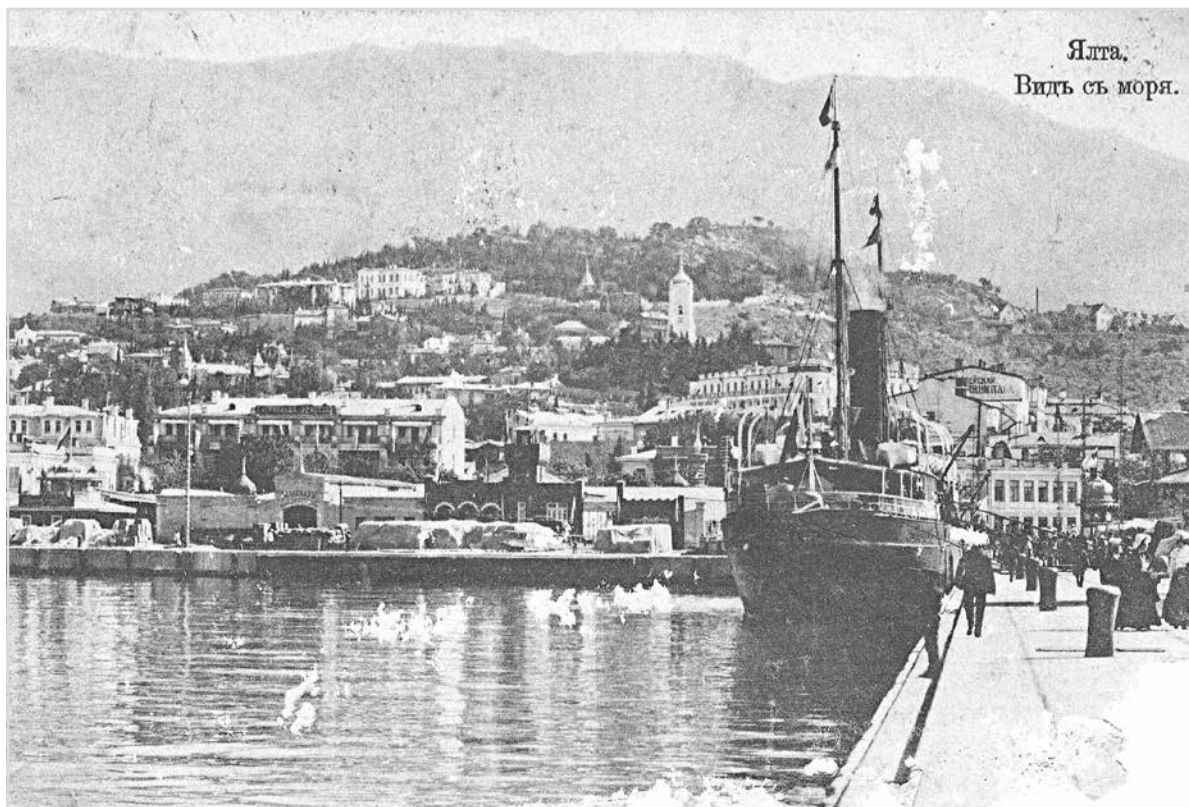
Целую Вас, Ваша Н. Оппель» (ил. 2).

2. Алупка. Дворец и кипарисы. – Ялта: Издание Димитрия Николича. – В 5563 II. Почтовые штемпеля: «Алупка Тавр[ической] г[убернии]. 4-5-12» и «Ростов Яросл. г. Почт. тел. конт. 9-V-1912». Марка 3 коп.

«Ростов Ярославской. Марии Антоновне Фроловой. Склад Оппель. 1912 мая 3. Алупка.

Милая Маня! Вот скоро мы и приедем в наш Ростов, так что с 7 мая Вы больше не пишете. Я чувствую себя хорошо. Зоя Вас целует. Она что-то немного прихворнула. Привет Е. Я. и Кате. Скоро и увидимся, и Бог даст, погода в Рост[ове] установится. Желаю всего хорошего. Целую Вас.

Н. Оппель» (ил. 3, 4). Дмитрий Чекмасов

Ил. 2. Ялта. Вид с моря. Почтовая открытка с корреспонденцией Н. Н. Оппель от 29 апреля 1912 г.

Ил. 4. Обрат почтовой открытки с корреспонденцией Н. Н. Оппель от 3 мая 1912 г.

Семья ростовских финифтяников Усачевых

В архивных материалах о фабрике «Ростовская финифть», собранных известным ростовским краеведом Марией Николаевной Тюниной (1911–1987) в 60–70-е гг. XX в., хранятся интересные воспоминания о ростовских мастерах по финифти и их семьях, за-

писанные ею со слов представителей промысла. Они в определенной степени характеризуют рабочий процесс, атмосферу, взаимоотношения и личные качества финифтяников.

Публикуемые воспоминания были записаны 9 июня 1975 г. Л. С. Успенской

со слов дочери Михаила Николаевича Усачева – Марии Михайловны Усачевой (Федоровой), 1897 года рождения.

Семья Усачевых еще в середине XIX в. занималась торговлей финифтью. Исследовательница Е. И. Сазонова в списке мастеров по финифти конца XVIII–XIX вв. упоминала Федора Алексеевича Усачева, штатного служителя Спасо-Яковлевского монастыря. По сведениям другой исследовательницы ростовской финифти М. М. Федоровой, Александр Алексеевич Усачев на Ростовской выставке 1880 г. был удостоен малой серебряной медали – за долготелую деятельность по финифтяному производству и за предоставленную коллекцию произведений, а в Москве на Всероссийской промышленно-художественной выставке 1882 г. его наградили бронзовой медалью.

Из воспоминаний М. М. Усачевой, переланных в записи Л. С. Успенской:

«Семья Усачевых работала на Кузнецова Петра Ивановича, хозяина, и на других хозяев: Полевова, Евдокимова и других. Начал работать отец, Михаил Николаевич Усачев, который писал красками. Научил сына, Александра Михайловича, который писал и дома, а чаще у хозяина вместе с его сыновьями, Константином и Петром. Старшая дочь Анна Михайловна и писала, и гото-

вила “белое”, выковывала медные пластинки, растирала камнем на плите паливу, стекло, превращая в кашу, которой покрывали медные пластинки, и обжигали в специальной печи, которая была приделана к русской печи в доме. Печь, обжиг, топилась специальными дровами, накладывался уголь.

По воспоминаниям Усачевой (Федоровой) Марии Михайловны, работа была очень тяжелая. Было очень много дыма, угара. Семья очень рано осталась без отца, было 8 человек детей, младшей 3 года. Жили в нужде. Дети работали в тяжелых условиях, на полу накладывали сначала пластинки на деревянные доски, затем с них железные листы не пальцами, а мистиханами (железками). Пластинки обжигали 3 раза. Первый раз – верх и низ, второй и третий раз – только верх. Платили очень дешево, по 1 коп. сотня.

Хозяин был жадный, озорной. Краски и весь материал был от хозяина, Кузнецова. М. М. Усачева (Федорова) вспоминает, что ее, как младшую, посылали за материалом к хозяину, а тот не сразу выдавал, а заставлял посидеть в прихожей несколько часов, хотя сыновья часто напоминали о ней. “Сиж, одуреваю, клюю носом. Сыновья кричат: «Папаша, вас ждут». А он: «Пусть пождет». Выйдет, пальцы на пузе вертит. Грузный руки на пузе, озорничал”.

М. М. вспоминает, что сыновья Кузнецова и А. М. Усачев подшучивали над Кузнецовым – хозяином. Когда в праздник хозяин, вернее, жена хозяина угощала их пирогом, то они делали вид, что в пироге муха. Хозяйка была брезглива и отдавала тогда весь пирог или варенье. Тут и пир. М. М. вспоминает, что однажды делали квас, бутылка стояла на печи, и квас “выстрелил” на сохнувшие нарисованные пластинки перед посадкой в печь. Страшно перепугались, что пропал тяжелый труд, но после обжига пластинки вышли с более яркими красками.

Об этой работе сохранились самые тяжелые воспоминания, их работали в дыму, в жаре, духоте, пластинки были и очень мелкие, с ноготь и большие. Расписывал пластинки в основном Александр Михайлович Усачев, ему помогала сестра Анна Михайловна, которая работала и после революции, когда была открыта школа...

Я помню, что она маленьким молоточком на полене выковывала дома пластинки, терла массу, для которой мы, дети, приносили ей “бемское” толстое стекло с голубоватым отливом (на кладбище Яковлевского монастыря много было осколков у одного помещика). Ей помогала и мама, Мария Михайловна.

Александр Михайлович впоследствии работал на же-

лезной дороге (весовщиком, дежурным по станции и др.)

Сохранилась пластинка, написанная Усачева А. М., изображающая Георгия Победоносца.

Анна Михайловна (Озерова) выполняла заказы Назарова: готовила пластинки. Для нее Назаровым примерно в 1930 г. были нарисованы с фотокарточки пять миниатюр – портреты, четыре детских и один взрослый. Нарисованы в коричневых тонах. Выполнен был Назаровым и другой заказ – запонки и заколки для галстука, изображающие головку девушки на фоне захода солнца; брошь, изображающая двух целующихся амура, очень мелкая работа в коричневых тонах.

В Ростовский музей в коллекцию финифти в 1966 г. от Л. С. Успенской поступила любопытная брошь, выполненная живописцем по эмали А. А. Назаровым (4,6×3,3). На ней на темном фоне изображены две светлые обнаженные детские фигурки, стоящие на облаке. Они руками придерживают клубящейся формы вуаль, прикрывающую их бедра и развеваяющуюся за их спинками. В живописи амур и купидоны изображались в виде пухленьких, шаловливых, неугомонных мальчишек. Вероятнее всего, упомянутая Анной Михайловной работа и есть та самая брошь (ил. 1).

Елена Артемичева

Ил. 1. А. А. Назаров. Брошь «Два ангела». 1920-е гг. Медь, эмаль, живопись по эмали; латунь, скань. ГМЗРК

«Петушок» и «конек» из урочища Гора Святой Марии

В 2023 г. исполнилось 140 лет с момента основания Ростовского музея в 1883 г. В том же 1883 г. была издана книга Андрея Александровича Титова «Ростовская старина», большая часть которой посвящена описанию селений Ростовского уезда. На с. 51 А. А. Титов впервые дал краткое описание осмотренной им в 1880 г. возвышенности «гора святой Марии». В 1881 г. он провёл здесь первые раскопки, и уже 6 ноября того же года найденный в ходе работ череп продемонстрировал на заседании Московского археологического общества.

В 2023 г. Археологический сектор музея-заповедника «Ростовский кремль» продолжил сплошное археологическое исследование урочища Гора Святой Марии, начатое в 2016 г. Впервые нами в ходе работ были обнаружены зооморфные подвески из медного сплава – женские украшения домонгольского времени. Первая подвеска (ил. 1, а) найдена вне культурного слоя на значительном удалении от селища XII–XIII вв., расположенного у р. Сары. Размеры украшения: 4,52×3,5×0,2 см.

Такие подвески исследователи называют петушками «владимирского типа» (менее вероятно, что изображен другой представитель семейства фазановых, например тетерев). Хотя справедливо подмечено, что это

может быть и изображением курицы. Действительно, гребешки на подвесках различаются – от небольших до крупных. По материалам Мининского могильника в Вологодской области, исследованного Институтом археологии РАН, такие подвески датируются временем от второй половины XII в. до начала XIII в. Картографировав находки, исследователи установили, что изготовление подвесок велось на территории Северо-Восточной Руси. К 2008 г. были известны находки в 18 пунктах – Владимире, Суздале, Ростове, Белоозере и на сельских памятниках в их округе. К настоящему времени количество находок значительно возросло: Ярославль, Усть-Шексна (в черте г. Рыбинска), Суздальское ополье. Производство таких подвесок могло осуществляться вплоть до разгрома городов Северо-Восточной Руси в 1238 г.

И вот в Ростовском музее появится вторая подобная находка. Первая была обнаружена в ходе раскопок Института археологии РАН в самом центре города – на территории Конюшенного двора Ростовского кремля. Наша находка 2023 г., предположительно, маркирует хозяйственную зону средневекового поселения. Подвеска, видимо, была потеряна, на что указывает сломанное ушко. Перед этим подвеска

лишилась всех четырех привесок. Из-за подвижного соединения петельки привесок перетирались, размыкались, привески отсоединялись от основы и терялись. Петельки на основе подвески тоже сильно протерлись. В ходе разведок 2018 г. на селище 1 в пустоши Мозжевелька была обнаружена привеска от подобной подвески (ил. 1, б).

По материалам трех погребений могильника Минино известно, что подобные подвески женщины носили спереди с правой или левой стороны на поясе. Антропологи определили возраст женщин, погребенных с подвесками: 25–35, 40–45, 45–55 лет. Шумящие подвески характерны для финно-угорских народов, в том числе мери. Однако изображение курицы или петуха у них не встречается. Здесь, возможно, мы имеем дело с синтезом культур – славянские мифологические представления соединились с местной традицией ношения шумящих подвесок. Согласно представлениям славян петух – вещая птица, связанная с огненной, солнечной, брачной символикой, символикой плодородия, «способностью противостоять нечистой силе» (см. кн. «Славянские древности. Этнолингвистический словарь»).

Вторая подвеска (ил. 1, в) была обнаружена в ходе раз-

ведок по левому борту «Андреева врага» в районе селища XIII–XV вв. (у Мирского пруда). Размеры украшения: 3,88×4,4×0,16–0,5 см. Культурный слой здесь не был обнаружен, но найдены ключ от навесного замка типа Б (от второй половины XI в. до середины XIV в.) и зооморфная подвеска, которую условно называют «конек». Такие подвески характерны для Латвии и Северо-Запада России, встречаются также в костромских курганах, часть из которых, как установили исследователи, была насыпана новгородскими колонистами.

Исследователи датируют рассматриваемые предметы XII – началом XIII в. Примечательно, что за 20 лет

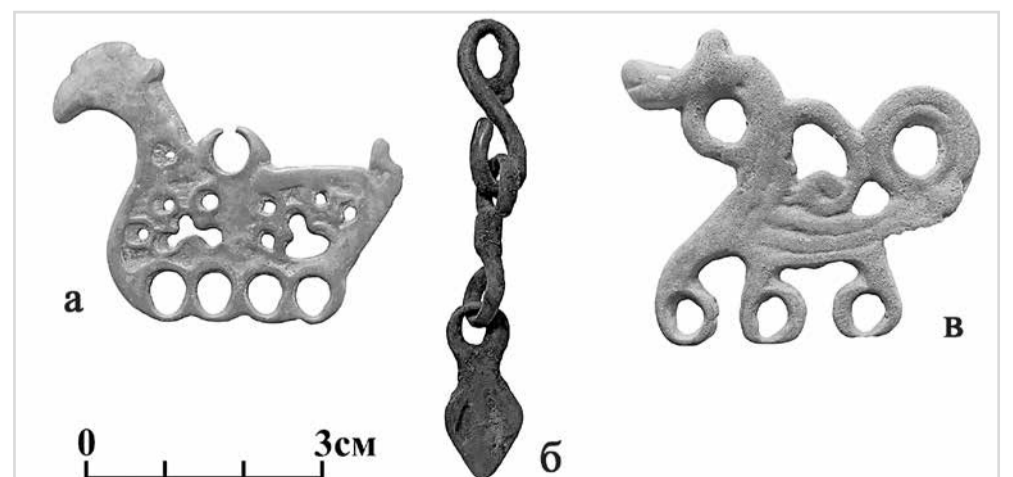
работы Суздальской экспедиции Института археологии РАН в Суздальском Ополье не было найдено ни одной такой подвески. Для урочища Гора Святой Марии эта подвеска особенно примечательна, так как пополняет перечень других подвесок новгородского происхождения, указывая на связь населения с новгородцами Костромского Поволжья.

Рассматриваемая подвеска имеет особенность – у нее три «лапки» с петельками для привесок, тогда как у аналогичных подвесок «лапок» четыре. Возможно, мы имеем дело с дефектом, появившемся в процессе отливки предмета. Привески не сохранились, не только на рассматриваемой под-

веске, но и на всех известных подвесках такого типа. Предполагают, что они были трапециевидными по форме и плоскими. На то, что привески у нашей находки раньше были, указывают две сильно протертые петельки на основе – вторая и третья от левого края. По данным находок в могильниках такие подвески носили на груди или на поясе.

Таким образом, в ходе полевых работ получены новые данные о таких важных элементах женского костюма, как шумящие украшения, бытовавшие в сельской округе Ростова в XII–XIII вв.

Алексей Каретников,
Вера Каретникова,
Александр Верин,
Марина Попова

Ил. 1. Находки Археологического сектора в урочище Гора Святой Марии: а – основа шумящей подвески «петушок»; б – привеска к шумящей подвеске; в – основа шумящей подвески «конек».

Ростовские криминальные хроники

Ил. 1. Улица Благовещенская и храм Благовещения в Ростове. Почтовая открытка, начало XX в.

29 декабря 1905 г. «Северный край» (далее – СК) был окончательно закрыт. Период с конца 1905 по 1909 гг. для издания – время смены названий и редакторов, борьбы с цензурой и судебных процессов. Газета называлась: «Северная область» (далее – СО), то «Северная газета», «Северная мысль» (далее – СМ), «Северные отклики», «Северный голос», «Северная речь» (далее – СР), «Северный курьер», «Новый Северный край», «Наш край». В 1909 г. большая часть редакционного и авторского коллектива перешла в новую ярославскую газету «Голос». Попытка возродить издание под названием «Северная газета» предпринималась в 1913–1915 гг.

В газетах-преемниках «Северного края» постоянно оставались рубрики «Иностранные известия», «Внутренние известия», «По России», «Судебная хроника», «Городская хроника», «Земские дела», «Обзор печати» и др. В «Областном отделе» часто освещалась криминальная часть жизни Ростова и Ростовского уезда (ил. 1).

Корреспонденты сообщали, что Ростов был наполнен местными и проезжающими бродягами, пропившимися мастеровыми, «пропойцами» и «тунеядцами» – людьми «более или менее с темным прошлым и грязным настоящим» (СК. № 204 от 03.08.1901). К этой социальной категории примыкали «административно-высланные» – отбывшие наказания и помещенные в Ростове как месте их приписки под надзор местной полиции. Они «всегда давали себя знать мирным обывателям, и о своем присутствии заявляли увеличением краж, ночными нападениями на прохожих, обиранием

подвыпивших субъектов» (СК. № 93 от 08.04.1905). По данным «Северного края» за 1903 г., в Ростове насчитывалось 156 «поднадзорных» (СК. № 94 от 12.04.1903). Особенно массовый приток «административно-высланных подонков» наблюдался во время революционных событий 1905–1907 гг.: «Чуть не сотнями привозят еженедельно в Ростове поднадзорных, – писал корреспондент в 1907 г. – Вечером около вокзала опасно пройти... Особенно придут хорошие экземпляры на ярмарку» (СР. № 51 от 02.03.1907). Известно, что еще в 1902 г. городское управление обращалось в Министерство внутренних дел с просьбой прекратить высылку в Ростов «поднадзорных», но его ходатайство осталось «глазом вопиющего в пустыне» (СК. № 93 от 08.04.1905).

Чаще всего объектами многочисленных краж в Ростове выступали магазины, торговые лавки, постоялые дворы, церкви, квартиры. Осенью с ранним наступлением темноты увеличивалось количество уличных ограблений.

В январе 1903 г. в Ростове была арестована группа злоумышленников, занимавшаяся грабежами торговых лавок. Обстоятельства этого события описывались следующим образом. Сторож заметил около рыбной лавки И. В. Иголкина человека, «не то запиравшего, не то отпиравшего лавочные замки», и окликнул его. Незнакомец бросился бежать, но был пойман. Вор, отбиваясь, ударил часового гирей одного блюстителя по голове, а второго, подбежавшего, по лицу. При обыске «громилы» были обнаружены золотые часы, украденные из другой лавки. В ходе расследования выяснилось, что с ним

«работали» слесарь, изготовлявший отмычки, и женщина, стоявшая на страже во время совершения краж (СК. № 4 от 05.01.1903).

В 1903 г. ростовская общественность широко обсуждала криминально-мелодраматическую историю. Сын зажиточного крестьянина-лесопромышленника и владельца дома на Зарвской улице, в котором помещалась казенная винная лавка, молодой человек Леонид Попов сделал предложение о женитьбе девушке, работавшей в этой лавке продавцом. Воспользовавшись ее отсутствием, Попов забрался в квартиру и похитил 1033 рубля казенных денег, золотые и серебряные вещи, которые спрятали

«в лесном дворе, примыкающем к лавке». С похищенными деньгами он явился «на гулянье» в Городской сад, где встретил «компаньона» Кузьму Воронцова, а на следующий день они уехали в Ярославль, где «началось шатание из трактира в трактир, из магазина в магазин. На украденные деньги Попов купил балалайку, заплатив за нее 30 руб[лей], золотые часы с цепочкой за 85 руб[лей], серебряный портсигар и другие вещи». Когда обнаружилась кража и Попов арестовали, у него было «отобрано 409 руб[лей], и найдены на лесном дворе в том же самом чемоданчике, в котором хранились деньги, серебра 311 руб[лей]». Писали, что это событие плохо по-

влияло на здоровье несостоявшейся невесты. Если отец виновника не внесет промотанных сыном денег, то эта сумма будет удержана из ее залога. «Грустная перспектива! – восклицал корреспондент. – Потерять последние сбережения, заработанные кровавым потом и ужасным 15-ти часовым ежедневным, непрерывным трудом!» (СК. № 132 от 22.05.1903).

В многочисленных сообщениях рассказывалось об ограблениях ростовских магазинов. В ночь на 7 января 1907 г. в Ростове был ограблен «мануфактурно-галантерейный магазин» А. Титова и Ф. Малоземова (ил. 2). Были похищены около 1000 рублей из несгораемого шкафа, «драгоценные и носильные вещи» на 12000 рублей. Сообщали, что «грабители проникли в магазин посредством пролома каменной стены из соседней пустой лавки Селиванова. Пользуясь темнотой, они сломали замок на дверях [Селиванова] и, забравшись туда,

поручили соучастникам запереть эту дверь снаружи другим, похожим, замком. Затем запертые проломали в капитальной стене лопатой такое отверстие, которое занято несгораемым шкафом... Забрав вещи и деньги и переодевшись в новое платье, они удалились никем не замеченными и исчезли бесследно» (СР. № 8 от 11.01.1907).

В «Северном крае» был опубликован репортаж о поимке в Ростове крупного вора. 6 июня 1902 г. в магазин золотых и серебряных вещей А. Л. Лурье вошел «прилично одетый» человек и предложил купить драгоценные украшения. На вопрос о происхождении этих предметов незнакомец ответил: «Вам

до этого нет дела! Я принес продавать. Покупайте, если хотите богатеть». Лурье, убедившись, что перед ним находится вор, а предлагаемые им вещи – краденые, вышел в другую комнату, послал за полицией и, вернувшись, «стал торговаться с незнакомцем, не выпуская вещей из рук, и тот, в конце концов, стал просить за все вещи только 200 руб[лей], лишь бы поскорее получить деньги и уйти... Когда в дверях появился полицейский надзиратель с 5 городскими, незнакомец понял, что он попал в ловушку». При обыске у задержанного были обнаружены бриллиантовые кольца, серьги, брошь и золотая шейная цепь, оцененные в 8000 руб[лей]» (СК. № 151 от 11.06.1902).

На страницах газет криминальные журналисты нередко критиковали ростовских стражей порядка за плохое исполнение своих обязанностей: «Сторожа в улицах, очевидно, существуют не для охраны имущества обывателей, а только для того, чтобы 1 числа каждого месяца обходить домовладельцев и получать с них жалованье. Ночных полицейских постов совсем нет, кроме железнодорожного вокзала» (СК. № 207 от 08.08.1902). «Обязанности полиции в городе выполняют подчас артиллеристы... Положительно недоумевает, для какой цели существует столько полицейских в городе и уезде» (СМ. № 12 от 31.03.1906). В 1906 г. на улицах Ростова появились вооруженные ружьями полицейские стражники, которые, по словам корреспондентов, редко обращали внимание на случаи нарушения порядка (СМ. № 22 от 14.04.1906) (ил. 3).

Продолжение – на 7-й стр.

Ил. 2. Магазин фирмы «А. Титов и Ф. Малоземов» в Емельяновском ряду. Фотография, начало XX в. ГМЗРК

По страницам газеты «Северный край»

Ростовские криминальные хроники

Продолжение. Начало – на 6-й стр.

В Ростовском уезде грабёжам подвергались амбары с зерном и мукой, почтово-телеграфные отделения, церкви. В 1900 г. сообщалось о случаях ночных ограблений церковью в Угодичах, Мосейцеве, Погорелове, Шандоре. Кражи совершались по единой схеме: «выворачивалась обыкновенно из каменной решетки оконная железная решетка. Часть грабителей проникала во внутренность храма, а другие оставались с револьверами в руках на стороже. В случае опасности стоявшие на стороже давали знать соучастникам выстрелом из револьвера, и те выскакивали из церкви и ударялись в бегство, отстреливаясь от преследовавших». Выяснилось, что накануне грабёжей в погореловском трактире видели немцев, которые распивали водку. Позднее во время облавы в окрестностях с. Богородского Ярославского уезда удалось задержать троих человек, в одном из которых погореловский трактирщик узнал «коновода по кутежу» (СК. № 278 от 20.10.1900).

Часть уездных криминальных новостей была посвящена дорожным ограблениям. Так, 11 мая 1899 г. в окрестностях д. Гаврилкова был обнаружен «труп неизвестного человека с перерезанным горлом, лежащий на двухколесной ручной тележке». Следователи выяснили, что убитый – восемнадцатилетний татарин Идрис Фехтулин

из Нижегородской губернии, занимавшийся разносной торговлей – был привезен с проселочной дороги, соединяющей д. Безменцево с с. Халдеево и д. Глебово Ярославского уезда. Вероятно, он был убит с целью грабежа, так как «при нем не оказалось мануфактурного товара на сумму до 100 рублей, пиджака и шляпы» (СК. № 155 от 16.05.1899).

Любопытно, что воспоминания об этом событии долго сохранялись среди местного населения. В ходе полевых исследований 1999 г. информант сообщил нам, что «когда-то» в местности «Поганая гора» около д. Гаврилково «грохнули» татарина.

В «Северном крае» был опубликован репортаж, посвященный дорожному ограблению. 18 марта 1903 г. угличский крестьянин Федор Трофимов Шаров, продав в городе некоторые продукты, возвращался домой. По пути около с. Судина он встретил молодого человека «лет двадцати двух или двадцати трех, с узелком в руке», и они пошли вместе. Поравнявшись с перелеском перед Борисоглебскими слободами, парень потребовал у Шарова деньги и ударил его по голове «чем-то твердым. Шаров ахнул и упал. Парень ударил его еще раз и еще. Шаров облился кровью и стал терять сознание. Разбойник полез к нему за пазуху и вытащил оттуда бумажник с 170 рублями,

Ил. 3. Базарный день и Гостиный двор в Ростове. Фотография, начало XX в.

с которыми и бросился бежать к перелеску, оставив свою изувеченную и окровавленную жертву на дороге». Один из проезжавших по дороге, услышав стоны и заметив стоящую лошадь, помог Шарову устроиться на его сани и направил ло-

шадь в д. Дунилово. Местные дети сообщили, что видели человека, который бежал от дороги и скрылся в овине. «Крестьяне бросились к овину и стали кричать, чтобы человек оттуда выходил. Разбойник выскочил и бросился было бежать, но его

все-таки удалось схватить». Арестованный оказался крестьянином Щадневской волости Ростовского уезда. Шаров был отправлен в Ростовскую земскую больницу (СК. № 80 от 27.03.1903).

В целом, ознакомление с криминальными ново-

стями, опубликованными на страницах «Северного края» и его продолжений, позволяет сделать вывод о хорошей осведомленности авторов и их профессиональном подходе к изложению фактов и данных.

Алексей Киселев

Детский парк в Митрополичьем саду

В послевоенный период по всей стране проходили масштабные работы по восстановлению промышленных предприятий, сельского хозяйства и благоустройству городов. Ежегодно разрабатывался план мероприятий, в том числе по озеленению кварталов, улиц, территории школ, детских садов, яслей, пионерских лагерей, парков, детских площадок и других объектов. К работам привлекали все трудоспособное население.

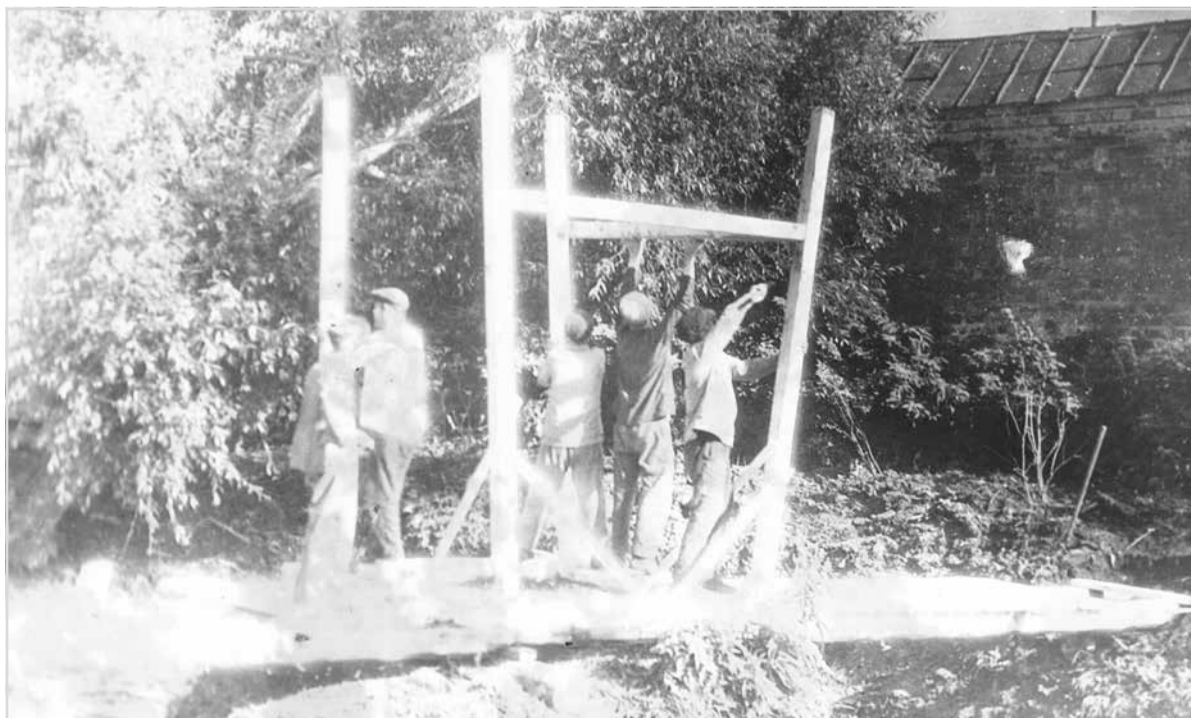
В 1946 г. жители, предприятия и учреждения Ростова взяли обя-

зательства разбить городской плодовый сад, детский парк, 4 сквера, восстановить стадион, заасфальтировать и отремонтировать дороги, тротуары, канавы, построить заборы, калитки, ворота, посадить 2000 деревьев и т.д. Каждый работоспособный житель города должен был потрудиться на благоустройстве не менее 50 часов. Приступили к работам весной.

26 мая более 2000 человек приняли участие в воскреснике, на котором начали разбивку детского парка на территории Митрополичьего сада

Ростовского кремля (ил. 1). Ее осуществляли по проекту архитектора Калмыкова. На территории 1,2 га посадили деревья и проложили дорожки; устроили сказочный домик, веранду, читальню, ларьки с игрушками и мороженым, карусель (в центре парка), построили эстраду для выступлений кружков самодеятельности и беседку на маленьком островке посредине пруда. Попастъ на островок можно было по двум переходным мостикам. 28 июля 1946 г. парк торжественно открыли (ил. 2, 3, 4).

Продолжение – на 8-й стр.

Ил. 1. На строительстве парка. 1946 г. Фотография, 1946 г. ГМЗРК

Ил. 2. На открытии детского парка. Входная арка в парк в районе современных восточных ворот Митрополичьего сада. Фотография, 28 июля 1946 г. ГМЗРК

Детский парк в Митрополичьем саду

Продолжение. Начало – на 7-й стр.

Ил. 3. Дети в беседке на открытии детского парка. Фотография, 28 июля 1946 г. ГМЗРК

В местной газете опубликовали живой репортаж с места события:

«Группами и в одиночку, в праздничных костюмах, спешили маленькие граждане нашего города на открытие детского парка. У всех у них на лицах радостная улыбка. Организовано пришли дети из детских садов. Явились загорелые пионеры, прибывшие в этот день из лагерей. Пришли взрослые, родители детей. Перед входом в парк состоялся короткий митинг. Его открыл заведующий городским отделением народного образования тов. Михайлов. Первое слово он предоставил секретарю Горкома ВКП (б) тов. Кузьмину, затем – председателю артели Инвалидов т. Костыреву, родительнице – т. Кашиной. Пионерка средней школы № 2 Ира Голодушкина благодарил руководителей города за строительство детского парка. Оркестр заиграл гимн Советского Союза и все устремились в парк. Там всюду раздавались звонкие голоса ребят. В центре парка начались игры и песни, а на открытой сцене с разнообразной программой выступили артисты эстрады».

Ил. 4. На открытии детского парка. Фотография, 28 июля 1946 г. ГМЗРК

ми проводилась культурно-массовая работа. Здесь ежедневно отдыхали ребята, которые на лето оставались в городе. Приятно было бегать по расчищенным дорожкам, прятаться в густой траве» (ил. 5).

Благоприятное впечатление об этом месте отдыха сложилось и у ответственного секретаря областной газеты «Северный рабочий» Валентины Елисейевой: «Здесь весело и шумно. Среди свежей зелени мелькают питомцы детских садов, они забираются в игрушечный домик, катаются с полированной горки, резвятся. Конечно, трудно назвать этот уголок детским парком. Но начало положено» (ил. 6).

В последующие годы в Ростове реконструировали городской парк, построили набережную, заложили новые фруктовые сады и скверы. В 1948 г. там оборудовали качели и карусель, а еще через год – детский городок с качелями, ящиками с песком и лавочками. Благодаря проведенному благоустройству многие мероприятия и праздники перенесли в преобразившийся городской парк.

Хотя детский парк в Митрополичьем саду пытались поддерживать в хорошем состоянии, но, вероятно, средств на его содержание не хватало. В смету расходов горно на 1948 г. его не включили. Лишенный должного внимания, детский парк недолго радовал горожан и быстро пришел в упадок, о чем уже 4 июня 1947 г. сообщил секретарь ГК ВКП (б) Н.А. Кузьмин на заседании Исполкома Горсовета.

6 августа 1947 г. в газете «Большевикский путь» опубликовали письмо С.А. Соколова о том, что в парке часть деревьев поломана, сказочный домик разрушен, беседки сломаны, а дорожки заросли травой. Автор напоминал о необходимости благоустройства территории. Через неделю его заметку перепечатали в газете «Северный рабочий»: «печальное зрелище представляет парк в настоящее время. Все произошло от того, что о парке никто не заботился: его оборудовали, открыли и... забыли» (ил. 7). В ноябре 1948 г. Л. Лядова через мест-

ную газету также выражала беспокойство: «детский парк заброшен, а ведь в нем можно было организовать и каток, и детские горки и другие развлечения для детей».

Детский парк в Митрополичьем саду просуществовал до 1949 г. В конце 1950 г. Ис-

полком Горсовета сообщил о посадке помидоров на месте бывшего детского парка, разрешил передать эту территорию в пользование сельхозтехникума при условии посадки там весной фруктовых деревьев.

В 1951–1952 гг. учащиеся

и преподаватели Ростовского сельскохозяйственного техникума создали опытный плодово-ягодный сад в южной части городского кремля. В нем высадили сотни яблонь, вишен, груш, кусты смородины, крыжовника и винограда.

Любовь Печкина

Ил. 5. Заведующая детской библиотекой проводит занятие. Фотография, 1946 г. ГМЗРК

Ил. 6. На качелях. Фотография, 1946 г. ГМЗРК

Ил. 7. На территории детского парка в Ростовском кремле. Фотография П. В. Клепикова, 1947 г. Из книги Е. Осетрова «Святая Русь: Мир древних городов» (М., 1996)